

Думается, что данные точки зрения соотносимы с двумя основными типами восприятия пространства: «один тип – динамический – воспринимать пространство, как бы двигаясь через него, как бы «маршрутное» пространство; другой тип – статический – находясь как бы в центре пространства, воспринимать его как серию концентрических кругов, затухающих к границам неведомого. Это есть «радиальное пространство»⁵². Способ восприятия пространства зависит от образа жизни, кочевого или оседлого.

Точка зрения, внешняя по отношению к лесу, представляет собой «радиальное» видение мира с актуализацией границ нового пространства и пониманием дальнего, лесного как не-своего. Во взгляде изнутри отражено «маршрутное» восприятие пространства, при котором актуальным оказывается движение субъекта⁵³.

Статичное пребывание субъекта в лесном пространстве оценивается как отрицательное, на что указывает развитие вторичных качественных значений исследуемых дериватов. В этом плане взаимодействие леса и человека понимается как влияние леса на статичного субъекта, в результате которого последний оказывается наделенным негативными характеристиками, свойственными чужому пространству.

Любопытно, что в гнезде не встречаются дериваты с приставками, указывающими на движение внутрь лесного пространства, или дериваты, где пребывание внутри исследуемого локуса оценивалось бы как положительное, что дает повод говорить лишь о первоначальном этапе освоения данной части пространства: узнавание без превращения в «свое».

Е.В.Лысова

К проблеме этнолингвистического изучения образов петуха и курицы в русской народной традиции

В русле этнолингвистического направления появилось немало количество исследований, посвященных образам отдельных животных и

⁵² *Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole. Paris, 1964–1965. P. 157. – Цит. по: Токарев С.А. Андре Леруа-Гуран и его труды по этнографии и археологии // Этнологические исследования за рубежом. М., 1973. С. 215.*

⁵³ О маршрутном восприятии лесного пространства см., напр.: *Мамвеев А.К. К интерпретации одной условной топонимической системы // Этимология. 1984. М., 1986. С. 132–136.*

птиц. Подробное описание символики образов животных дает «возможность всесторонне воссоздать целый фрагмент картины мира, вызвать зоологический код языка культуры»⁵⁴.

Описание образов ведется в двух планах. Во-первых, подробно являются всевозможные аспекты присутствия образа в пределах одной из кодовых систем народной культуры (например, языка, обрядового фольклора, песенного фольклора, паремиологии и т.д.). Во-вторых, производится сопоставление материалов различных кодов народной культуры, итогом чего может стать констатация идентичности-неидентичности систем кодирования, работающих на разных подуровнях. Кроме того, осуществляется сопоставительное описание образов с целью экспликации парадигматических и синтагматических межобразных связей, отношений.

Представленные наблюдения выполнены в сопоставительном аспекте. Объектом исследования стали образы петуха и курицы, формирующиеся в системе языка и малых жанров фольклора (пословицы, поговорки, загадки).

Предваряя выведение конкретных результатов исследования, сделаем ряд необходимых пояснений к методике анализа. Все операции, совершаемые над образами, производятся на уровне минимальных семиотических единиц – структурных элементов образа, реконструкция которых производится логическим путем при сопоставлении признаков образа – источника для производных единиц и признаков номинируемого объекта. В результате ментальный образ выглядит как система минимальных единиц. Заметим, что признак образа не равен признаку реалии. Образ – это система признаков реалии, каждый из которых пропущен сквозь призму сознания номинатора (в нашем случае – носителя традиционной культуры). В результате реальный признак птицы может без изменения становиться элементом образа или начальное значение признака при переносе из реального плана в образный может трансформироваться. Например: *Полон кутник белых курок* (о зубах)⁵⁵: один из признаков реалии, участвующих в номинации – ‘белый’; признак номинируемого объекта – ‘белый’ (нетрансформированный признак); *праздничная курочка* ‘праздничный кафтан’: признак реалии – ‘рябой, пест-

⁵⁴ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С.14.

⁵⁵ Загадки русского народа: Сб. загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д.И.Садовский. М., 1996. С.202.

рый'; признак номинируемого объекта – 'нарядный, красивый'; признак образа – 'рябой' → 'нарядный' (трансформированный признак).

Данным способом вычленяются признаки ментальных образов, над которыми производятся все операции. Приведем некоторые примеры.

Один из признаков внешней характеристики для образа курицы: часть тела – хохол. Признак извлечен из следующего материала: курочка 'приспособление для пилки дров' (ЯОС, 109); курочка 'букетик в детской игре-загадке' (ЛК ТЭ); *Курица на курице, а хохол на улице (изба)*⁵⁶ и др. Признак внешней характеристики для образа петуха: часть тела – гребень. Извлекается из следующего материала: *петушки 'горные кряжи'* (СРНГ 16, 334); *петушок 'иван-чай'* (ЛК ТЭ) и др.

Признак поведения, действия для образа петуха – голос: *петь петухом 'быть довольным чем-либо, радоваться'* (СРНГ 16, 332), *петухе петухом поет 'хорошо смотрится'* (ЛК ТЭ). Подобный признак для образа курицы – *кудахтанье*: *Не слушай, где куры кудахчут, а слушай, где Богу молятся*⁵⁷; *Скажешь курице, а она всей улице*⁵⁸; *Кричит баба по городу, кричит: «Золото! Золото!» (курица)*⁵⁹.

Опуская подробную расшифровку классификации параметров и признаков описания образов (внешний вид: часть тела, цвет оперения, форма, размер тела; характер, состояние, повадки; действия), остановимся на одном из аспектов, заслуживающих, на наш взгляд, особого внимания: это проблема корреляции образов птиц и животных (через корреляцию отдельных признаков образа), выводящая исследование образов на парадигматический уровень.

Выделение коррелятов производится следующим образом: при обнаружении в исследуемых подсистемах единиц, сформировавшихся на основе признаков различных образов, но обозначающих сходные или идентичные реалии или явления, производится сопоставление образов, содержащих выявленные единицы.

В результате выделилось несколько групп коррелятов. Во-первых, по характеру сопоставленности признака выделяются номинативные дублиеты – номинативные единицы, обозначающие одинаковые или идентичные явления действительности. При номинации используются

⁵⁶ Там же. С.32.

⁵⁷ *Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 3 т. М., 1994. С. 64.

⁵⁸ Там же. С. 85.

⁵⁹ Загадки русского народа. С.123.

элементы различных образов птиц или животных, которые формируют одинаковые или идентичные значения признака. Например, образы курицы и воробья являются дублетами по признаку 'маленький': *куриный шаг* (СРНГ 16, 127), *воробыный шаг* (ССРЛЯ 2, 672) 'о малом количестве чего-либо', *старому воробью по колени, курицы бродят*⁶⁰ 'о мелком месте в реке'; по признаку 'сидящие «рядком»': *Полон кутник белых курок, полон кутник воробышков* (зубы)⁶¹. Образы курицы и девицы – дублеты по признаку 'имеющий плохую (маленькую) память': *куриная память*⁶², *девичья память* (ССРЛЯ 3, 633) 'плохая память'. Образы курицы и кота – дублеты по признаку 'маленький' → 'имеющий малое количество чего-либо': *куриные слезы* (СРНГ 16, 129), *кот наплакал* (ССРЛЯ 5, 1533) 'о малом количестве чего-либо'. Дублетами выступают образы курицы и вороны, признаком в данном случае является 'кожа лапок': *курица сапожки (сандали) дала* (ЛК ТЭ), *ворона сапоги дала* (СРНГ 5, 111) 'цыпки на ногах у детей'.

Во-вторых, выделяются номинативные оппозиции – номинативные единицы, обозначающие противопоставленные или сопоставленные явления действительности. При номинации используются элементы различных образов птиц или животных, которые формируют оппозиционные или симилярные признаки. Например, образы курицы и медведя – номинативные оппозиции по признаку 'мало' – 'много': *Курочка по зернышку клюет, да сыта живет, медведь по корове съедает, да сыт не бывает*⁶³; по признаку 'близко' – 'далеко': *Не та земля родна, где медведь живет, а та, где курица скребет*⁶⁴. Номинативными оппозициями являются также образы курицы и свиньи по признаку 'низкий' – 'высокий': *Курице по холку, свинье по хвост*⁶⁵. Оппозитами выступают образы курицы, яйца, медведя по возрастному признаку: *Три года – яйцо, тридцать лет – медведь, шестьдесят – курица* (человек)⁶⁶.

По типу коррелирующего признака выделяются образы с идентичными и неидентичными признаками. К первым относятся, например, образы курицы и воробья, коррелирующие по идентичным признакам

⁶⁰ *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Т.2. С.481.

⁶¹ Загадки русского народа. С.202.

⁶² *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Т.2. С.273.

⁶³ *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Т.3. С.61.

⁶⁴ Там же. Т.2. С.449.

⁶⁵ Там же. Т.3. С.481.

⁶⁶ Загадки русского народа. С.120.

‘имеющий маленький рост’, ‘выполняющий мелкие движения’, ‘сидящие «рядком»»; образы курицы и kota, выступающие коррелятами по признаку ‘имеющий небольшое количество чего-либо’ (примеры см. ранее). Примером коррелятов по неидентичному признаку становятся образы курицы и свиньи: *избушка на курьих ножках*⁶⁷, *на курьих лапках хатка* (СРНГ 16, 125), *свинья закута соломой заткнута*⁶⁸ ‘о непрочном строении’. Признак образа курицы – ‘лапки как непрочная основа’. Признак образа свиньи – ‘непрочное место жительства’.

По структуре выделяются, во-первых, точечные корреляты: в основе образной единицы лежит признак-точка, одно качество, выраженное словом или словосочетанием, например: *куриный ум*, *воробыиный ум* (см. выше). Во-вторых, корреляты-синтагмы: в основе образа признак-ситуация, выраженный синтагмой, предикативной структурой. Например: *На беду и курица петухом запоеет, на беду и вошь кашляет*⁶⁹; *Не слушай, где куры кудахчут, слушай, где Богу молятся*⁷⁰.

Экспликация различных межобразных связей позволяет увидеть различные смыслы, стоящие за подобными модификациями и пересечениями, т.е. возможность не только дать исчерпывающий анализ структуры образа, но и выявить дополнительную информацию.

Последняя, например, появляется при сопоставлении следующих единиц: *курица сапоги (сандали) дала* ~ *ворона сапоги дала* ‘о цыпках на ногах у детей’. Имеются следующие соответствия: *курица сапоги (сандали) дала* (Влг. – ЛК ТЭ) ← *ворона сапоги дала, вороний сапог, воронья лапа* (Арх. – СРНГ 5, 111) ← фин. букв. ‘вороньи сапоги’ (ФРС, 715), вепс. букв. ‘воронья лапа’ (СВЯ, 614).

Русский вариант *ворона сапоги дала* считается результатом калькирования с финского. В этом случае *курица сапоги (сандали) дала* – результат адаптации кальки на русской почве. Причина в том, что в языковом сознании носителей русского языка (в отличие от сознания носителей финно-угорской культуры) образ вороны имеет иные культурные акценты. Поэтому обозначение дефекта кожи ребенка (бытовая сфера, которая, как правило, допускает только те вторичные названия, источник которых можно часто и постоянно наблюдать в быту) через сходст-

⁶⁷ Даль В.И. Пословицы русского народа. Т.2. С. 44.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. Т.1. С. 64.

⁷⁰ Там же Т.2. С. 528.

во с лапой вороны выглядит «иностранно-язычным вкраплением». Включается работа языковой и образной систем, результатом которой становится подбор дублетной формы. Ср. также возможность влияния русского *цыпки* ‘мелкие трещинки, шершавость и краснота на коже рук, ног и лица (от грязи, обветривания и т.п.)’ (ССРЛЯ 17, 728).

Обращение к парадигме образов *петуха* и *курицы* позволяет сопоставить системы кодирования пространства. Традиционно курица – неизменный атрибут своего хозяйства, двора. Поэтому образ курицы имеет устойчивую локальную закрепленность: своя улица, свое пепелище, своя земля, двор, огород, курятник, насест. Образ курицы используется для кодирования освоенного пространства (ср., например, оппози́т *медведь*, используемый для кодирования неосвоенного, «чужого»).

Образ петуха в пространственном отношении имеет иную символику. Локальную определенность петух получает через голосовую характеристику: *голос до неба, до Бога, в высок терем* (вертикаль) (ср. нижняя точка – *волоса до земли, до полу косы*); *в темный лес голос* (горизонталь). Распространение петушиного крика простирается только на мир живых людей (*на кладбище не слышно*). В звуковом аспекте локус петуха – земное пространство. Голос петуха – граница.

Голос петуха имеет также временную характеристику. Для этого смысловоразличительного признака уместно использование термина *хронотоп* – нерасчлененность локально-темпорального континуума. Голос петуха не просто эталон измерения пространства. Это своеобразный показатель, отделяющий «свое» пространство от «чужого» (пространство живых людей от некоего иного, где обитают «неживые»).

Подобную характеристику («свое» – «чужое») можно дать времени, определяемому через крик петуха (*до первых петухов, до вторых, до третьих; в первых петухах* и т.д. ‘о времени’). Крик петуха в полночь фиксирует наступление ночного «чужого» времени. В это время «свое» пространство отступает перед «чужим», не определяемым земными рамками. Отсюда всевозможные представления о ночной «нечисти», которая появляется из чужого локуса. И обратный процесс – пение утренних петухов.

Петух, как и курица, осваивает бытовое пространство, что не ускользает от внимания номинатора. В бытовой плоскости локального поля петух занимает, в отличие от курицы, более отдаленную точку (*поле, горка*) и наиболее приближенную к центру точку (*ци*). Считается,

что центром локуса носителя традиционной картины мира является изба. Подобная картина выстраивается на паремиологическом материале, загадках, фразеологизмах.

Если учесть идеографический аспект значений семантических производных, то и курица, и петух займут локальный промежуток от избы (предметы утвари, узоры, крыши, палки) до «своего», близкого, освоенного пространства: леса, озера, реки (кувшинки, грибы, деревья).

Образ курицы также может использоваться для измерения пространства и времени, причем оценка этих категорий через образ курицы принципиально иная, чем через образ петуха. Элемент образа курицы (*куриный шаг*) выступает как эталон маленького, мелкого размера ('маленький промежуток времени', 'маленькое количество чего-либо').

При кажущемся многообразии корреляций их набор достаточно традиционен, что, с одной стороны, мотивировано ограниченным количеством образов в арсенале традиционного сознания, с другой – вызывает предположение об особой упорядоченности сцепления образов: *курица – медведь, курица – свинья, курица – воробей, курица – баба* и др.

Оппозиционно-сопоставительный набор признаков образов курицы и петуха позволяет делать выводы о системном характере сцепления этих образов. Системность восприятия может проявляться на уровне реалий (*курочка, петушок* 'букетик в детской игре-загадке') и на уровне языка (*курочка, петушок* 'лилия, кувшинка'). О системном восприятии говорит четкий баланс использования признаков различных семантических типов: например, факт наличия распространенной системы внешних признаков – частей тела петуха, – и почти полное отсутствие внешних признаков – цвета, оперения (и наоборот для образа курицы).

Данный факт можно объяснять работой компенсирующей функции системы: если образ курицы недостаточно проявил себя по яркости внешних деталей – частей тела, по сравнению с образом петуха, то система компенсирует это на другом уровне – на признаках цвета оперения. Еще одним способом компенсации в ответ на наличие ограниченной гаммы цветовой характеристики курицы становится факт развития широкого веера значений в ходе реализации одного из признаков.

Таким образом, во-первых, можно констатировать перспективность подобного метода анализа ментального образа как элемента реконструируемой картины мира. Во-вторых, следует указать на целесообраз-

ность выявления межобразных, парадигматических связей и отношений, структура которых становится своеобразной проекцией структуры сознания носителя традиционной картины мира.

Р. И. Козлов

К вопросу о прецедентных топонимах

Прецедентными, вслед за Ю. Карауловым, называем тексты, имеющие сверхличностный характер, «значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности»⁷¹. Феномен прецедентных текстов – часть широкого круга явлений (языковых и внеязыковых), основанных на апелляции говорящего к сверхличностному опыту, традиции и т.д. Переводя эту проблему в область топонимии, предварительно условимся прецедентным для данного топонима считать сверхличностный (устойчивый, воспроизводящийся) текст, в который он включен. Такие топонимы – назовем их прецедентными – являются прежде всего частью некоторой группы названий, происхождение которых не мотивировано только собственными свойствами номинируемого объекта. Они обязаны своим появлением прежде всего специфическим культурным и (или) языковым стереотипам номинатора, экстралингвистическим знаниям, обуславливающим его языковую картину мира. Соответственно, значение топонимов этой группы не ограничивается собственно топонимическим; они несут некоторую дополнительную лингвокультурную информацию. Так, например, в значение широко распространенного гидронима *Дунай* может входить (в зависимости от аспекта анализа) информация о личном опыте номинатора (или опыте коллективного номинатора – например, об участии в военных действиях), компоненты концепта, созданного на базе представлений об исходном референте этого названия (в данном случае «европейского» Дуная) и т.д. Однако только на основании семантического критерия выделения невозможно обозначить границы этой группы. В нее попадут и топонимы перенесенные (пос. *Фершампенуаз* Челябинской области); вторичные топонимы, восходящие к стереотипическим или концептуализированным онома, т. е. таким, на базе

⁷¹ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 287.